

как осмотр места происшествия, допрос, предъявление для опознания и др., стали фиксироваться на видеозаписывающую аппаратуру. Однако технологии звукозаписи, применявшиеся в то время, были основаны на аналоговом преобразовании звука в электронные импульсы, что дает весьма условные основания для утверждения об использовании при этом электронных носителей информации в современном понимании.

Стремительное развитие электронно-вычислительной техники, повышение ее доступности для широкого круга пользователей в 90-х гг. XX в., нашло отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, с конца 90-х гг. XX в. широкое применение получила цифровая фотография, позволяющая получать фотоизображение в виде графического файла, воспроизводимого с использованием специального программного обеспечения и сохраняемого на электронном носителе в формате двоичного кода, что, безусловно, позволяет отнести ее к цифровой информации. Данная технология прочно вошла в арсенал оперативно-служебной деятельности должностных лиц органов предварительного следствия и дознания, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам.

Сегодня практически невозможно встретить уголовное дело, в котором в той или иной форме не использовалась доказательственная информация, зафиксированная на электронных носителях. И это касается не только преступлений, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. Анализ изменений, внесенных с 2010 г. в уголовно-процессуальное законодательство, научных публикаций, выступлений ученых и практиков на научно-практических конференциях самого разного уровня убедительно свидетельствует о том, что в настоящее время сформировался устойчивый тренд на цифровизацию уголовно-процессуальной деятельности. Как справедливо отмечает Л.Н. Масленникова, научные дискуссии в XXI в. в сфере уголовно-процессуального права и практики его применения в основном развернулись именно относительно достоинств и рисков внедрения современных цифровых технологий в организацию уголовно-процессуальной деятельности.

В настоящее время законодатель использует термин «электронный носитель информации» в тексте УПК РФ более 10 раз. Вместе с тем легальное определение данного понятия в законе не закреплено, что способствует возникновению правовой неопределенности и порождает активную научную дискуссию относительно его содержания.

Так, А.И. Зазулин считает, что использование в УПК РФ термина «электронный носитель информации» необоснованно сужает круг предметов, в отношении которых может быть осуществлено изъятие (при участии специалиста) и копирование компьютерной информации. По его мнению, в УПК РФ необходимо ввести более общий термин «цифровой носитель информации», который бы подразумевал различные типы носителей цифровой информации. В условиях отсутствия нормативного закрепления понятия «электронный носитель информации» ряд авторов предлагают обратиться к понятию, сформулированному в ГОСТ 2.051–2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения», согласно которому электронный носитель представляет собой материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники.

Однако анализ приведенного определения показывает, что к электронным носителям информации следует относить все устройства, реализующие функцию записи, хранения и воспроизведения информации. Соответственно, к ним должен быть отнесен широкий спектр предметов хозяйственно-бытового назначения, имеющих в своем составе микросхемы памяти, что не способствует точности при использовании данного термина.

По этому вопросу Ю.В. Гаврилин справедливо отмечает, что данный термин имеет неопределенное расширительное толкование, а это может порождать ошибки правоприменения.

Вместе с тем В.Н. Григорьев и О.А. Максимов считают, что электронный носитель информации представляет собой особую группу вещественных доказательств, и определяют его как предмет, содержащий значимую для уголовного дела информацию, созданную не в процессе расследования уголовного дела, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств. Анализируя приведенное определение, следует заметить, что карта памяти, содержащая информацию, созданную в процессе расследования, включая указанные выше файлы фотоснимков с места происшествия, не перестает быть вследствие этого обстоятельством электронным носителем информации. К тому же существует большой массив информации, не содержащейся на электронных носителях, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств. Так, применяя для исследования состава вещества газовый хроматограф, эксперт с использованием данного электронного устройства воспринимает информацию, не содержащуюся на электронном носителе.

Таким образом, ключевой признак, объединяющий все приведенные выше определения понятия «электронный носитель информации», – это его конструктивная предназначенность для хранения информации, на что справедливо обращает внимание Ю.В. Гаврилин, а также авторы ГОСТ 2.051–2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения». Другими признаками являются цифровая форма хранимой на электронном носителе информации и возможность ее воспроизведения в электронно-вычислительных средствах (В.Н. Григорьев, О.А. Максимов).

УДК 343.985

Н.Н. Беломытцев

О НЕКОТОРЫХ ОШИБКАХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

Последние пять лет в Республике Беларусь имеет место значительный рост хищений, совершенных с использованием компьютерной техники: если в 2016 г. было зарегистрировано 1 844 таких преступления, то в 2019 г. – 8 634. В 2019 г. из всего массива уголовных дел, возбужденных по различным частям ст. 212 УК Республики Беларусь, только 15,7 % уголовных дел

передавались прокурору для направления в суд. По 47 % было принято решение о приостановлении производства по уголовному делу, причем, как правило, в порядке п. 1 ст. 1 ст. 246 УПК Республики Беларусь (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого). Таким образом, правоохранительными органами не обеспечивается выполнение одного из принципов уголовного закона – неотвратимости ответственности граждан за совершенное преступление. Сложившаяся ситуация обусловлена рядом объективных и субъективных факторов, к числу которых следует отнести ошибки, допускаемые сотрудниками органов уголовного преследования в ходе проведения осмотров предметов и документов при производстве по материалам и уголовным делам, возбужденным по ст. 212 УК Республики Беларусь.

Как правило, осмотр предметов и документов при расследовании рассматриваемых преступлений главным образом направлен на поиск электронно-цифровых следов подготовки, совершения и сокрытия преступной деятельности, сведений о движении похищенных денежных средств.

Изучение судебной и следственной практики показало, что данное следственное действие является наиболее распространенным. Данный вид осмотра проводился по 93,5 % изученных уголовных дел (216 уголовных дел из 231). Было также установлено, что объектами осмотра являлись: персональные компьютеры, ноутбуки, моноблоки и т. д. (по 51,5 % уголовных дел); мобильные устройства (смартфоны, телефоны, планшеты, фотоаппараты, электронные книги, плееры, видеорегистраторы и т. д.) (по 41,2 %); носители электронно-цифровой информации – жесткий диск (HMDD) (по 38,2 %); банковские платежные карточки и сходные платежные средства (по 34,5 %); сведения о телефонных соединениях (по 27,9 %); электронная почта (по 20,6 %); USB-флеш-накопители (по 17 %); информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий (слуховой контроль и контроль в сетях электросвязи и т. д.) (по 17 %); данные с видеокамер (банкомата, отделения банка, видеорегистратора и т. д.) (по 17 %); SSD и иные сходные носители информации (по 10,3 %); энкодер магнитных карт (по 10,3 %); журналы регистрации событий от интернет-провайдера (по 10,3 %); контрольные кассовые ленты (по 6,7 %); кредитные, учетные и юридические дела (по 3,6 %); квитанции об оплате, перечислении и переводе денежных средств (по 3,6 %); дампы оперативной памяти (по 3,6 %); кассовый ордер (по 3,6 %); карт-чек (по 3,6 %); дампы (сохраненное содержимое) сетевого трафика (по 3,6 %); сведения по движению денежных средств на корреспондентском счете (по 3,6 %); сетевое оборудование (межсетевые экраны, маршрутизаторы, точки доступа, коммутаторы и т. д. (по 3,6 %).

В ходе анализа эмпирических данных были установлены следующие ошибки при проведении осмотра предметов (документов):

осмотр проводился с помощью устройств и способами, не исключающими недостоверность полученных результатов – использовались программно-технические устройства, не обладающие необходимым набором функций, и программное обеспечение с отсутствием данных о сертификации в Республике Беларусь, подобный факт имел место по 61,6 % изученных уголовных дел, также установлены факты неприменения специальной техники и оборудования, хотя ситуация по уголовному делу предполагала необходимость их применения, что установлено по 16,7 % изученных уголовных дел;

следственное действие проводилось без участия специалиста – установлено по 38,4 % изученных уголовных дел;

при осмотре не исследовалась имеющаяся в материалах дела информация о возможных иных фактах преступной деятельности – в 53,7 % изученных уголовных дел;

в протоколе осмотра излагались выводы о результатах его проведения, что является нарушением принципа объективности осмотра, более того, согласно ч. 1 ст. 18 УПК орган уголовного преследования обязан принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, собрать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, данное нарушение характерно для осмотров, имеющих в 38,4 % изученных уголовных дел;

не отражались сведения о реквизитах создания или изменения файлов (текстовых, исполнительных, изображений и т. д.), имеющих значение для расследования уголовного дела, что установлено по 30,6 % изученных уголовных дел, подобная ошибка приводит к неоднозначности толкования установленных данных, так как обнаруженные данные фактически не рассмотрены и не зафиксированы в полном объеме, что влияет на полноту установленных сведений;

в ходе осмотра делался вывод о том, что данных, представляющих интерес, не установлено, данное нарушение выявлено по 20,9 % уголовных дел;

осмотр банковских платежных карточек не осуществлялся в тех случаях, когда денежные средства похищены именно с карт-счетов, что характерно в основном для уголовных дел, приостановленных производством, – в 20,4 % изученных уголовных дел;

ошибки процессуального характера – установлены по 10,6 % изученных уголовных дел, к их числу относятся: неверное указание даты, времени или места производства следственного действия, неполное указание (когда это требует закон) фамилии, имени, отчества лиц, участвующих в проведении осмотра, и других данных о личности (либо неверное указание), отсутствие подписей, печатки, грамматические ошибки и т. д.

На основании вышеизложенного можно заключить, что причинами данных нарушений и недостатков являются: ненадлежащее исполнение следователями своих служебных обязанностей, недостаточный уровень необходимых теоретических знаний и практического опыта, недостатки в организации служебной деятельности, отсутствие необходимых для следователя личностных качеств, недостаточный ведомственный контроль со стороны руководства следственных подразделений за результатами работы следователей.

Результаты, полученные в ходе проведения осмотра предметов и документов, позволяют установить первоначальную информацию о совершенном преступлении, минимизируют угрозу утраты оставленных следов, в первую очередь электронно-цифровых. Полученная в ходе осмотра информация позволяет выдвигать обоснованные версии, установить иные обстоятельства преступления, спланировать проведение иных следственных и розыскных действий, оперативно-розыскных мероприятий.

Для проведения более качественного и подробного осмотра предметов и документов необходимо использовать современные экспертные аппаратно-программные комплексы, оснащенные необходимым профессиональным программным обеспечением (Belkasoft Evidence Center, «Элкомсофт», «Мобильный криминалист», Cellebrite UFED 4PC, PC-3000 и др.), с соответствующей лицензией, позволяющие быстро находить нужные файлы и интерпретировать их содержимое по заданным параметрам. Кроме того, во многих случаях нужно в качестве специалистов при проведении этого вида осмотра привлекать экспертов подразделений ГКСЭ Республики Беларусь, следователей криминалистического отдела центрального аппарата СК Республики Беларусь, также возможно привлечение в данном случае сотрудников подразделений главного управления по противодействию киберпреступности МВД Республики Беларусь, имеющих соответствующее техническое образование и не являющихся заинтересованными в исходе дела лицами.

Таким образом, знание ошибок, имеющих место в ходе проведения осмотров предметов и документов по уголовным делам о хищениях с использованием компьютерной техники, позволяет руководителям следственных подразделений, следователям надлежащим образом организовать работу по их недопущению в ходе своей повседневной деятельности.

УДК 343.985.7

Д.Г. Вильмак

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ КАК НЕОТЛОЖНОЕ СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ И СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ

Проблемам раскрытия и расследования преступлений, квалифицируемых по ст. 281 УК Республики Беларусь в последнее время уделяется особое значение, так как незаконная добыча рыбы или других водных животных причиняет вред природным ресурсам и окружающей среде, выражающийся в уничтожении отдельных видов рыб и других водных животных что, в свою очередь, влечет за собой нарушение пищевой цепи и баланса воспроизводства рыбы и других водных животных.

Сложность раскрытия и расследования незаконной добычи рыбы или других водных животных связана с установлением подозреваемого лица либо группы лиц, что обусловлено рядом обстоятельств: место преступления находится вдали от населенных пунктов и городской черты; преступление совершается в условиях неочевидности; отсутствуют свидетели и очевидцы; на сохранность следовой картины влияют природные факторы.

Важное значение при раскрытии и расследовании незаконной добычи рыбы или других водных животных имеет качественное проведение неотложных следственных действий, в частности осмотра места происшествия.

Осмотр места происшествия по факту незаконной добычи рыбы или других водных животных проводится по общим правилам, но ему присущи определенные тактические особенности, обусловленные видом преступного деяния, способом его совершения и сокрытием следов преступления. В ходе проведения осмотра места происшествия необходимо получить ответы на следующие вопросы:

в течение какого времени до прибытия на место происшествия следственно-оперативной группы могло быть совершено преступление – на это указывают такие признаки, как состояние обнаруженной рыбы (живая, свежая, соленая), состояние орудий лова (мокрые, влажные, сухие), признаки продолжительного пребывания преступников (кострище, угли (тлеющие, теплые, холодные) и т. д.);

какое количество преступников могло находиться на месте совершения преступления – это можно определить по количеству обнаруженных следов обуви, окурков разных марок сигарет, еды, сидельных мест у костра и т. п.;

продолжительность нахождения преступников возле водоема – можно определить по остаткам пищи, степени обустройства места стоянки, количеству заготовленной тары для рыбы, соли для засолки, наличию следов транспортных средств и т. д.

Осмотр места происшествия в связи с поступившим сообщением о незаконной добыче рыбы или других водных животных должен быть проведен незамедлительно. Однако к нему необходимо очень тщательно подготовиться: следователю заранее нужно предусмотреть, кто из специалистов, иных лиц будет участвовать в данном следственном действии, какое оборудование, криминалистическую технику необходимо использовать для обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов.

В силу, как правило, информационной неопределенности следственной ситуации, складывающейся на первоначальном этапе расследования таких преступлений, следователь может не обратить внимание на существенные для установления подозреваемого следы, не зафиксировать в протоколе осмотра места происшествия важные обстоятельства преступления. Во избежание этого при проведении данного следственного действия необходимо активное участие специалистов (например, ихтиологов), которые могут помочь правильно определить границы осмотра, дать консультации относительно обстоятельств происшествия, владеют необходимыми знаниями для определения вида незаконно добытой рыбы или других водных животных, а также могут определить способ незаконной добычи, что, в свою очередь, позволит в рамках проведенного неотложного следственного действия найти орудия преступления и т. п.

При проведении осмотра места происшествия осматривать нужно не только непосредственное место лова либо обнаружения орудий лова и рыбы или других водных животных, но и прилегающую территорию с целью обнаружения приготовленных к установке орудий лова, плавательных, транспортных средств и их следов, средств спутниковой навигации, приборов передвижной радиосвязи и т. п. При визуальном осмотре прилегающей к месту происшествия территории необходимо обращать внимание не только на предметы, которые имеют непосредственное отношение к правонарушению, но и на те, которые по своему назначению могли быть доставлены преступниками, брошены или случайно утеряны ими.